

УДК 82.09-3

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

Vladimir I. Karasik
Volgograd, Russia

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МИФА
О БРАТОУБИЙСТВЕ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

**RETHINKING OF FRATRICIDE MYTH
IN FICTION TEXT**

Рассматривается мифологический сюжет «братоубийство» как воплощение архетипического греха – убийства того, кто является своим. Показано ассоциативное расширение описаний этого преступления в художественных текстах и его участников. Выделены основные линии поведения убийцы – обида и неконтролируемая ярость, обусловленные завистью и борьбой за первенство. Показаны несколько векторов переосмысления братоубийства – дьявольский умысел, мятеж против несправедливого мироустройства, жертвоприношение, непостижимость судьбы. Метафорическое переосмысление братоубийства раскрывается в сюжетах гражданской войны, либо шире – в описаниях трагического столкновения близких людей.

The article deals with a mythological plot “fratricide” treated as the embodiment of archetypal sin – murder of one’s kin. Associative extension of this crime and its participants is described. Main lines of murderer’s behavior are grudge and uncontrolled fury caused by envy and strife for primacy. Fratricide was repeatedly represented in fiction texts. Several vectors of fratricide rethinking are traced including devil’s design, revolt against unjust world order, sacrifice, and incomprehensibility of fate. Metaphorically, this subject plot is exemplified in civil war scripts or in a broader sense in tragic conflict of close friends.

Ключевые слова: миф, ремифологизация, сюжетный мотив, братоубийство, художественный текст.

Key words: myth, remythologization, subject plot, fratricide, fiction text.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Миф как базовый тип миропонимания представляет собой «емкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики» [1 : 10], выступает в качестве «артикуляции сферы сущего» [2 : 381]. Важнейшие характеристики мифологического осмысления реальности сводятся к отражению мира в фантастической форме, к объяснению и структурированию действительности в повествовании, к закреплению основных закономерностей бытия в художественных символах [3 : 1330–1331]. В качестве устойчивой замкнутой системы моделирования мира миф сверхреален, ему присуща своя логика (реальное смыкается с идеальным, вещь с образом, действительное с иллюзорным, осознанное с подсознательным, часть тождественна целому, важнейшими оппозициями выступают противопоставления сакрального и профанного, чудесного и обыденного, своего и чужого, великолепного и ужасного, время не

линейно, а циклично), при этом иллюзорное действительно, а действительное иллюзорно, и для желания нет невозможного [4 : 111–115].

В своем развитии миф трансформируется в сказку и эпос, достоверность событий ослабевает, появляется сознательная выдумка, мифические герои заменяются обыкновенными людьми, в центре внимания оказывается индивидуальная судьба, космические сюжеты перерождаются в социальные [1 : 264]. Поскольку литературно-художественное миропонимание состоит прежде всего в вербально-образном выражении эмоционального переживания значимой субъективной реальности, такое отношение к действительности в значительной мере мифологично по своей сути. В филологии разработано множество моделей интерпретации [5; 6; 7; 8; 9]. В развитие трехуровневой модели интерпретации художественного текста, обоснованной К. Ф. Седовым (денотатная, психологическая и аксиологическая структуры текста) [10 : 318], отметим, что аксиологическая интерпретация включает

не только авторские ценности, но и ценности культуры, осмысленные как автором, так и читателем или зрителем. Миф в его конкретном выражении может быть осмыслен как концепт, имеющий понятийные, образные и ценностные характеристики, и как сюжетный мотив, семиотически связанный с развитием того или иного сюжета и соотносимый интертекстуально с подобными узловыми моментами в нарративах [11]. В данной работе рассматриваются характеристики ремифологизации братоубийства в художественной литературе.

Братоубийство как один из архетипов человеческого бытия давно закреплен в коллективном сознании. Лишение жизни всегда рассматривалось как чрезвычайное происшествие, оно могло быть оправдано в случае самообороны и защиты близких, могло быть понято как естественное поведение на войне при столкновении с врагом и как возможное развитие событий в случае разбойного нападения на кого-либо. Поскольку противопоставление своих и чужих осмыслено в качестве базовой модели в ценностной картине мира, родственник, и в особенности брат, воспринимается как эталон своих. Братство считается высшей степенью духовного единения, отсюда вытекает и практика побратимства, предполагающего готовность отдать жизнь за друга, который воспринимается как брат. Соответственно убийство брата квалифицируется как особенно тяжкий грех. Сюжет о братоубийстве представлен во многих произведениях мировой литературы, это Каин и Авель в Библии, Ромул и Рем в римском фольклорном нарративе, Арджуна и Карна в Махабхарате. Исторически этот сюжет всегда сопряжен с борьбой за власть. Известно, что в Османской империи султан, взойдя на трон, посылал своим братьям шелковые шнурки, чтобы те могли покончить жизнь самоубийством и не угрожали бы монарху как потенциальные претенденты на власть. В такой борьбе на первый план выступали обиды, нанесенные братьями друг другу, помощники и недоброжелатели соперников, значимым был также статус братьев – внебрачные дети обычно изображались как злодеи по определению. Показательна позиция Цицерона, который выносит юридическую оценку событиям в сюжете о Ромуле и Реме: *cui cum visum esset utilius solum quam cum alterum regnare, fratrem interemit – When [Romulus] decided that it was more expedient for him to be king alone than with another, he killed his brother* [12 : 11] – *Когда Ромул решил, что для него более целесообразно быть царем единолично, нежели вместе с другим человеком, он убил своего брата*. Вместе с тем такой сюжет выражает

несомненные этические нормы, характеризующие зависть, гнев и раскаяние.

Известный библейский миф о Каине и Авеле, повествующий о первом братоубийстве, причиной которого оказалась зависть, неоднократно переосмысливался в художественной литературе [13]. Имя Каин в русской лингвокультуре привлекало к себе внимание исследователей [14]. Отмечено, что это библейское имя вошло в русскую языковую картину мира и ассоциируется со смертным грехом, проклятием и скитаниями. Приведем исходный текст:

1. *Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа.*

2. *И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец.*

3. *Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу,*

4. *и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его,*

5. *а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его.*

6. *И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твоё?*

7. *если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.*

8. *И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.*

9. *И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?*

10. *И сказал: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли;*

11. *и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей;*

12. *когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле.*

(Бытие 4:1–12).

В эпоху Средневековья Авель воспринимался как невинный мученик, а Каин – как воплощение зла. Романтики пересмотрели традиционное отношение к этим персонажам. В XVIII в. вышло в свет произведение швейцарского писателя С. Гесснера «Смерть Авеля». В этом повествовании труженик Каин изображен с явной симпатией, а его брат Авель показан как беззаботное, несерьезное существо. Дьявол посылает Каину кошмарный сон, в котором земледелец видит, что его потомки поработены потомками Авеля. Проснувшись, находясь под впечатлением пережитого, старший брат убивает младшего дубинкой, оказавшейся под рукой, и сразу же понимает, какой ужасный грех он совершил. Он обрекает себя на изгнание в землю, куда

еще не ступала нога человека, а его жена и дети преданно следуют за ним. Подчеркнем, что основная вина за это страшное преступление лежит в таком изложении на дьяволе. Следует заметить, что некоторые религиозные комментаторы упростили этот сюжет, сказав, что Авель принес лучшего агнца в жертву Богу, а Каин положил худшие колосья на алтарь, и поэтому жертва старшего брата была отторгнута. Книга С. Гесснера была переведена на европейские языки и пользовалась большой популярностью. Приведем отрывок из повествования в переводе М. Коллье:

Abel then addressing himself to Cain, said: I will by the light of the Moon, which is now rising, offer on my altar a young lamb. Wilt not thou also, on thine altar, make an offering? Cain, giving him a gloomy and angry look, said: Yes, I will present an offering to the Lord of what my barren fields afford. – Авель тогда обратился к Каину, говоря: «Я положу на алтарь при свете луны, которая сейчас восходит, молодого агнца. Не хочешь ли ты тоже, на своем алтаре, принести жертву?» Каин взглянул на брата мрачно и злобно и сказал: «Да, я принесу жертву Господу из того, что взросло на моих бесплодных полях».

Исходная несправедливость позиций в известной мере оправдывает поведение Каина. Странствия Каина стали темой поэмы С. Кольриджа «Скитания Каина» (*Wanderings of Cain*). В своих блужданиях Каин встречается с тенью Авеля, и эта тень открывает страшную тайну:

The Shape answered, “The Lord is God of the living only, the dead have another God. ...Wretched shall they be all the days of their mortal life,” exclaimed the Shape, “who sacrifice worthy and acceptable sacrifices to the God of the dead; but after death their toil ceaseth. Woe is me, for I was well beloved by the God of the living, and cruel wert thou, O my brother, who didst snatch me away from his power and his dominion.” – Господь есть Бог только у живых, у мертвых другой Бог. ...Несчастливы они будут все дни своей земной жизни, – воскликнула тень, – те, кто принес достойную и приемлемую жертву Богу мертвых, но после смерти их мытарства прекратятся. Горе мне, ибо я был любим Богом живых, и жестоко поступил ты, мой брат, выхватив меня из-под его власти».

Художественное переосмысление библейского текста привело английского поэта к языческому противопоставлению богов жизни и смерти, и в соответствии с античной логикой у каждого бога есть своя территория, и на чужую территорию вторгаться нельзя. Языческие боги не всевластны. Тема скитаний Каина была близкой поэтам Серебряного века в России. В цикле Н. Гумилева «Капитаны» находим этому прямое подтверждение:

*Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,*

*Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря –
О том, что где-то есть окраина –
Туда, за тропик Козерога! – –
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.*

Тема «Летучего Голландца», корабля-призрака, сопрягается с темой проклятия Каина. Капитан этого корабля, безуспешно пытаясь обогнуть мыс Доброй Надежды, – южную точку Африки, где часто бушуют штормы, произнес страшное проклятие и поклялся плыть хоть вечность, пока не обогнет этот мыс, и за это был обречён вечно скитаться по океану. Заметим, что в обиходном представлении смерть воспринимается как неизбежное зло. Но еще большим злом может стать бессмертие.

Образ Каина стал знаковым в творчестве Дж. Г. Байрона. Великий британский поэт воспринял Каина как воплощение бунтаря, который, подобно Прометею, бросает вызов несправедливому Богу. Трагедия «Каин» представляет собой драматически выраженный диалог человека с Создателем о добре и зле, хотя основными персонажами являются Каин и Люцифер. Главный герой, Каин, хочет понять, за что наказан род человеческий, и Люцифер – антипод всемогущего Бога – говорит, что Творец неизбежно выступает в качестве Разрушителя, показывает Каину космические миры и царство мертвых и убеждает человека в том, что намерения и действия Создателя смертному постигнуть невозможно. Адам, Ева и Авель, а также жены Каина и Авеля (имена жен поэт творчески вводит в обиход) смиренно признают свое место в мире и согласны терпеть наказания. Каин не хочет склонять голову перед Создателем, с неохотой уступает просьбе своего младшего брата принести жертву Богу, приносит жертву, не опускаясь на колени. Далее говорится, что жертвенный ягненок в огненном столпе поднимается ввысь с алтаря Авеля, а плоды земли с алтаря Каина сброшены вихрем наземь. Авель просит брата повторить жертвоприношение, но Каин отказывается, впадает в ярость и, потеряв контроль над собой, ударяет Авеля в висок головой, лежавшей на алтаре:

*Cain. Give –
Give way! – thy God loves blood! – then look to it: –
Give way, ere he hath more!
Abel. In his great name,
I stand between thee and the shrine which hath
Had his acceptance.
Cain. If thou lov'st thyself,
Stand back till I have strewed this turf along
Its native soil: – else –
Abel (opposing him). I love God far more
Than life.*

Cain (striking him with a brand, on the temples, which he snatches from the altar). Then take thy life unto thy God,

Since he loves lives.

Abel (falls). What hast thou done – my brother?

Cain. Brother!

Abel. Oh, God! receive thy servant! and

Forgive his slayer; for he knew not what

He did – Cain, give me – give me thy hand; and tell

Poor Zillah –

Cain (after a moment's stupefaction).

My hand! 'tis all red, and with –

What? [A long pause. – Looking slowly round.]

Перевод И. А. Бунина:

Каин. Пусту! Пусту меня!

Твой бог до крови жаден, – берегись же:

Пусту меня, не то она прольется!

Авель. А я во имя бога становлюсь

Меж алтарем священным и тобою:

Он господу угоден.

Каин. Если жизнью

Ты дорожишь, – уйди и не мешай мне.

Иначе я...

Авель. Бог мне дороже жизни.

Каин (поражая Авеля в висок головней, которую схватил с жертвенника)

Так пусть она и будет жертвой богу!

Он любит кровь.

Авель (падая)

Брат! Что ты сделал?!

Каин

Брат!

Авель

О боже сил! Прими мой дух смиренный

И отпусти убийце: он не ведал,

Что делает. Брат Каин, дай мне руку –

Дай руку мне...скажи несчастной Селле...

Каин (после минутного оцепенения)

Дать руку?... Руку?... В чем моя рука?

(Медленно озирается после долгого молчания.)

В приведенном отрывке показано столкновение позиций: Каин хочет перевернуть алтари, Авель защищает свою святыню и прямым текстом выражает готовность стать жертвой. В оригинальном тексте сказано: *Stand back till I have strewed this turf along its native soil: – Отойди, пока я не разбросаю этот дёрн в его родную почву.* Сгоревшая жертва превратилась в прах, а прах должен вернуться в землю. Получив смертельный удар, Авель говорит: «*Брат! Что ты сделал?!*» Эти слова возвращают Каина в действительность, и он откликается: «*Брат!*» В этот момент к убийце приходит осознание непоправимости совершенного преступления. Умирая, Авель произносит фразу, обращенную к Богу: «*Прости это убийство, он не ведал, что делает*». Эта просьба совпадает со словами Иисуса: «*Прости им, ибо не ведают, что творят*» (Лука, 23:34). Видна параллель: Каин олицетворяет людей, распявших Христа. Когда Адам, Ева и жены братьев

приходят на место преступления и понимают, что произошло, Ева, праматерь человечества, проклинает Каина, своего первенца. Исходный библейский текст усилен: нет ничего сильнее материнской любви, и поэтому такое проклятие обрекает преступника на вечные муки. Завершающие слова проклятья потрясают:

*Сгинь с глаз, братоубийца! Этот звук
Отныне мир заменит словом Каин,
И будет ненавистен он вовеки
Для мириад сынов твоих. Пусть всюду,
Где ступишь ты, трава иссохнет! Пусть
Зеленый лес тебе откажет в сени,
Земля – в жилище, прах – в могиле, солнце –
В сиянии и небеса – в их боге!*

В исходном тексте, как можно видеть, имеет место прямой диалог между Богом и Каином, в интерпретации Байрона Бог в этом акте изгнания не участвует (если не считать, что Ева говорит от его имени). В цитируемой трагедии жена Каина Ада остается верной ему и уходит с ним и маленьким сыном в скитания.

Тема противостояния Каина и Авеля как тех, кому благоволит Бог, и тех, кого он карает, рельефно представлена в стихотворении Ш. Бодлера «Авель и Каин». Приведем в качестве иллюстрации начальный и заключительный катрены:

*Race d'Abel, dors, bois et mange;
Dieu te sourit complaisamment.
Race de Caïn, dans la fange
Rampe et meurs misérablement.
...
Race d'Abel, voici ta honte:
Le fer est vaincu par l'épieu!
Race de Caïn, au ciel monte,
Et sur la terre jette Dieu!*

Перевод Н. С. Гумилева:

*Сын Авеля, дремли, питайся;
К тебе склонен с улыбкой Бог.
Сын Каина, в грязи валяйся,
Свой испустив предсмертный вздох.
...
Сын Авеля, пощад не требуй,
Пронзен рогатиной насквозь!
Сын Каина, взбирайся к небу
И Господа оттуда сбрось.*

В этом произведении речь идет не о братоубийстве, а о его причине и главных следствиях – несправедливости мироустройства, когда одним достается всё, а другие лишены божественного благословения. В оригинале сказано «раса Авеля» и «раса Каина», тем самым подчеркивается, что люди страдают не из-за совершенных ими преступлений, а расплачиваются за грехи отцов.

Показательны современные стихотворения, повествующие о братоубийстве. Сравним два текста.

Арсений Тарковский:

*Мамка птичья и стрекозья,
Помутнела синева,
Душным воздухом предгрозя
Душит жухлая трава.*

*По деревне ходит Каин,
Стекла бьет и на расчет,
Как работника хозяин,
Брата младшего зовет.*

*Духоту шибают холод,
По пиенце пляшет град.
Видно, мир и вправду молод,
Авель вправду виновен.
Я гляжу из-под ладони*

*На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в Книге Бытия.*

Рафаэль Шустерович:

*И вот нас удачи оставили,
И трубы охрипли, трубя.
И время спросить у Авеля:
Где брат твой, казнивший тебя?*

*Где брат твой, не по заслугам
Обиженный на дележе?
Где брат твой, не ставший другом,
И взявший топор уже?*

*Но Авель идёт невредимо,
И связанный агнец тих.
И Авель ступает мимо...
“От пастбищ и пашен своих...”*

*Ну что б им делить, трудягам:
Тот пахарь, а тот пастух...
Но к неким высоким благам
Допущен один из двух.*

В первом тексте Каин олицетворяет судьбу. Лирический герой сравнивает себя с Авелем. Он понимает, что уже все решено, спастись невозможно. Заслуживает внимания мысль поэта о том, что начало истории, молодость мира, неизбежно включает зло. Это сформулировано в «Книге Бытия»: «...помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Бытие 8:21). Первое прочтение этого изречения свидетельствует о том, что в юности трудно справиться с демоническими страстями – вожделением и гневом, овладевающими человеком и лишаящими его разума. Значит, старшие должны контролировать младших,

помогать им справляться с такими вредоносными побуждениями, иногда наказывать строптивых отроков. Второе прочтение внушает оптимизм: с годами, приобретая опыт, человек обычно становится способен управлять собой и, следовательно, противостоять судьбе. Но эти выводы могут быть адресованы Каину. Что же касается Авеля, то главный вывод для него – исключительно трудный выбор: принять право на оборону, даже с риском нанесения ущерба своему любимому брату, которым овладело помутнение рассудка. Такой выбор трагичен.

Во втором тексте в центре внимания – идея осознанного жертвоприношения. Авель понимает, что его брат обижен, что избежать кровопролития не удастся, что расплатой за божественную благосклонность будет его жизнь. Эта идея прослеживается в сентенции «Бог забирает лучших». Данное речение призвано успокоить оставшихся, поскольку другого объяснения, к сожалению, нет. Отсюда вытекают объяснительные линии реинкарнации, испытания на этой земле. Автор второго стихотворения, по-видимому, разделяет позицию Экклезиаста, который констатирует, что божественный замысел непостижим для смертных, и каждому предназначен срок и случай. В этом стихотворении поэт передвигает фокусную точку повествования: вначале используется местоимение во множественном числе (*нас удачи оставили*), и тем самым автор принимает позицию Авеля, а затем дистанцируется от происходящего в риторическом вопросе (*И что б им делить, трудягам...*).

Прямая аллюзия к рассматриваемому сюжетному мотиву видна в стихотворении Геннадия Каневского «Точка»:

*в ночной возвращаюсь дом
душа моя точно птица
летит над левым виском
имитирует лай собачий
перебранку крик за окном
она пьяна не иначе
есть точка на трёх ветрах
её чуть надавишь пальцем
и исчезает страх
душа моя тварь перната
утешай меня утешай
что примат не убьёт примата.*

Финальная строка имплицитно подразумевает братоубийство не только семантически, но и фонетически (*примат – брат*). Беседа с душой выдержана в мягком ироническом ключе. Значим образ перекрёстка: считается, что перекрёсток трех дорог имеет магическую силу, тем более, если они исходят из одной точки. Ветер сравнивается с дорогой. Душа летит

над виском – Авель по одной из версий этого убийства был поражен в висок. Первая строка, к которой мы возвращаемся после прочтения этого текста, символически расширяет идею ночного дома: это первозданный хаос, из которого был создан мир. Это значит, что Авель сознательно идёт на заклание, он возвращается к Творцу.

В ином аспекте тема братоубийства рассматривается в случае братоубийственной войны. Это может быть как гражданская война, так и столкновение между братскими народами. Образы братоубийственной войны составляют стержневую символику в произведениях И. А. Бунина, М. А. Пришвина, М. А. Шолохова. Участники гражданской войны занимают две основные позиции в этом противоборстве: те, кто воюет за идею, готовы уничтожить своих противников и воспринимают их как воплощение зла и несправедливости (многочисленны примеры раскола между близкими людьми в условиях идейного столкновения); те же, кто взял оружие по принуждению или увидел, что противник – такой же человек, как и ты, что война жестока и беспощадна, что устроители войны не ценят жизнь людей, становятся убежденными противниками кровопролития. Такое отношение к войне точно выражено в поэме С. А. Есенина «Анна Снегина»:

*Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.*

Поэт определяет основные смысловые координаты братоубийственной войны – действие в его конкретном выражении, его причину и следствие. Искреннее признание своей вины выражено в строках А. А. Барковой:

*Пропитаны кровью и желчью
Наша жизнь и наши дела.
Ненасытное сердце волчье
Нам судьба роковая дала.
Разрываем зубами, когтями,
Убиваем мать и отца,
Не швыряем в ближнего камень –
Пробиваем пулей сердца.*

Есть кровь, которая в жилах, и кровь, которая из них льется, т.е. жизнь и лишение жизни. Желчь в этом контексте обозначает горечь. Люди становятся зверями, рвут зубами и когтями врагов, а потом осознают, что убили близких и родных. Швырнуть камень в ближнего – евангельская аллюзия: Иисус предложил собравшимся – пусть тот, на ком нет греха, первым бросит камень в провинившуюся девушку, и таких людей в толпе не нашлось.

В расширительном смысле братоубийство осмыслено как уничтожение родного существа. В повести Уираго (К. Татаришвили) «Мамлюк» рассказывается о трагической судьбе грузинских мальчиков-друзей, один из которых был похищен турками-османами и стал в дальнейшем мамлюком – воином элитной гвардии султана, а второй оказался венецианским офицером в армии Наполеона. Они сошлись в бою возле Каира, венецианец получил от мамлюка смертельную рану и, умирая, простонал на родном грузинском: «Вай, нана! (Ой, мама!)». Мамлюк испытал шок: «Махмуд-бей вздрогнул и побледнел. Он не смог бы припомнить, сколько человек убил за сорок лет: убивать, уничтожать людей стало для него привычным занятием. Но такого душевного волнения, как сейчас, Махмуд никогда не испытывал. «Вай, нана!». Эти слова отозвались в самой глубине его сердца, и оно лихорадочно забилось». Роковая судьба столкнула близких друзей детства. Этот сюжетный поворот прослеживается и в других произведениях художественной литературы. Так, во время гражданской войны в США на поле боя столкнулись представители Южан и Северян, и на мундире смертельно раненого противника солдат увидел значок университетского сообщества DKE – «Delta Kappa Epsilon», членом которого он также являлся. Вступая в сообщество, его участники дают клятву: “Brothers from the heart forever” – «Братья по сердцу навсегда». Об этом говорится в стихотворении Джона К. Мино (J. C. Minot). Узнавание друг друга во время непредумышленного убийства – сильный трагедийный мотив:

*Then close beside the Yankee dropped the rebel
to his knee,
And their hands were clasped together in the grip
of D K E.
“I’m from Theta”, said the Yankee, and he tried
to raise his head;
“I’m from Psi, in Alabama”, were the words the
rebel said.
“Brothers from the heart forever” – nothing more
was left to say,
Though one was clad in Northern blue and one
in Southern gray.*

Подстрочный перевод: *Затем мятежник упал на колено возле Северянина, и они сомкнули руки, сжимая эмблему DKE. «Я из Теты», – сказал Северянин, и попытался поднять голову. «А я из Пси, в Алабаме», – были слова Южанина. «Братья по сердцу навсегда» – ничего другого не оставалось сказать, хотя один был в голубом мундире Северян, а другой – в сером облачении Южан.*

«Тета» и «Пси» – подразделения этого известного сообщества, возникшего в Йельском университете (Yale University).

Ремифологизация братоубийства прослеживается и в наши дни.

В сети Интернет эта тема активно обсуждается в связи с войной на Донбассе. Приведу текст нашего современника Алексея Железнова:

– Каин, где брат твой – Авель?
– В Донецке погиб, под завалом.
В разрушенном терминале
Бетонным укрыт одеялом.

– Каин, его ты видел?
– Только в прицел, не четко.
Был на него в обиде,
Бил прямою наводкой.

– Каин, ведь вы дружили...
– Только не в этой жизни.
Прошлое позабыли,
В страшной кровавой тризне.

– Каин, что будет после?
– После уже не будет.
Встретимся на погосте,
Там нас Господь рассудит.

Кто из солдат оказался в роли Каина? По-видимому, тот, кто выжил, хотя они вместе стреляли друг в друга. Обратим внимание: Каин не раскаивается и переносит груз ответственности на Господа, который и привел друзей к тому, что они стали смертельными врагами. Центральным моментом в этом тексте является констатация: *После уже не будет*. Не случайно слово *после* вынесено в сильную позицию: оно является энергетической точкой сгущения смысла для данного текста [15]. Это значит, что наказание за братоубийство состоит в том, что убийца обречен навсегда остаться в точке совершения преступления.

Подведем основные итоги.

Миф как регулятивный формат реальности проявляется в различных сферах бытия. Мифологические сюжеты воплощаются в сюжетных мотивах произведений художественной литературы в прямом и метафорически переосмысленном видах.

К числу базовых мифологических сюжетов относится братоубийство. Сюжетный мотив «братоубийство» имеет внешнюю и внутреннюю структуру. Внешняя структура этого мотива в его прямом виде может быть представлена как развитие конфликта между братьями, возникшего в результате а) несправедливо причиненной обиды со стороны одного из братьев либо кого-то из

старших по отношению к обиженному или б) борьбы за власть, и последствий этого преступления, которые сводятся к наказанию виновного, угрызениям его совести и раскаяния. Внутренняя структура этого мотива как поступка включает типовые условия и обстоятельства совершенного преступления: статус братьев, характеристики убийства (предумышленное либо совершенное в состоянии аффекта, скрываемое либо нескрываемое).

Метафорическое осмысление братоубийства состоит в понимании войны между родственными народами в качестве такого события.

В художественном тексте братоубийство экземплифицируется сюжетами из мифологии, осмысливается как следствие зависти, гордыни и стремления устранить конкурента (применительно к убийце) и как столкновение с неумолимой судьбой (применительно к жертве). В романтической литературе сюжет братоубийства часто используется для воспевания образа мятежного бунтаря. Наказанием братоубийцы обычно является магическое проклятие, обрекающее преступника на вечные страдания.

Метафора братоубийства выражает осуждение нелепости и жестокости гражданской войны и включает внезапное узнавание убийцей своего брата в убитом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва Наука, 1976. 408 с.
2. Черняк Л. С. Миф // Теоретическая культурология. М.: Акад. проект, 2005. С. 378–385.
3. Кривцун О. А. Миф // Культурология: энцикл.: в 2 т. Т. 1 / глав. ред. С. Я. Левит. М.: Рос. полит. энцикл., 2007. С. 1330–1331.
4. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
5. Богин Г. И. Типология понимания текста: учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. 88 с.
6. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.
7. Женетт Ж. Фигуры: в 5 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
8. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
9. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: Книжный дом, 2007. 472 с.
10. Седов К. Ф. Общая и антропологическая лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2016. 440 с.
11. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
12. Wiseman T. P. Remus: a Roman myth. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 260 p.
13. Liptzin S. Cain, the anti-establishment hero // DorleDor. 1977. Vol. VI, № 1. P. 27–34.

14. Фоменко И. Б. Библейское имя КАИН в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 27 с.

15. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. М.: Буки Веди, 2016. 172 с.

REFERENCES

1. Meletinskij E. M. *Poehatika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 408 p.

2. Chernyak L. S. Mif [Myth]. *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical culturology]. Moscow, Akad. proekt Publ., 2005, pp. 378–385.

3. Krivcun O. A. Mif [Myth]. *Kul'turologiya. Enciklopediya* [Culturology. Encyclopedia.]. Vol. 1. Moscow, Ros. polit. ehntsi. Publ., 2007, pp. 1330–1331.

4. Golosovker Ya. Eh. *Izbrannoe. Logika mifa* [Selected. The logic of myth]. Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2010. 496 p.

5. Bogin G. I. *Tipologiya ponimaniya teksta*. [Typology of understanding a text]. Kalinin, Izd-vo Kalinin un-ta, 1986. 88 p.

6. Dem'yankov V. Z. *Interpretaciya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ih modelirovaniya na EVM* [Interpretation, understanding and linguistic aspects of their computer simulation]. Moscow, Izd-vo MGU, 1989. 172 p.

7. Genette G. *Figury* [Figures]: in V vol. Moscow, Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1998. 944 p.

8. Тура В. И. *Diskursnye formacii: Oчерки po komparativnoj ritorike* [Discourse formations: Essays on comparative rhetoric]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2010. 320 p.

9. Shchirova I. A., Goncharova E. A. *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretaciya* [Multidimensionality of a text: understanding and interpretation]. St. Petersburg, Knizhnyj dom Publ., 2007. 472 p.

10. Sedov K. F. *Obshchaya i antropologicheskaya lingvistika* [General and anthropological linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2016. 440 p.

11. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Volgograd, Paradigma Publ., 2015. 432 p.

12. Wiseman T. P. Remus: a Roman myth. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 260 p.

13. Liptzin S. Cain, the anti-establishment hero. *Dor leDor*. 1977, vol. VI, no. 1, pp. 27–34.

14. Fomenko I. B. *Biblejskoe imya KAIN v russkoj yazykovoj kartine mira* [The Biblical name of Cain in the Russian language picture of the world. Diss. Cand. Sci. (Philol.)]. Vladivostok, 2004. 27 p.

15. Milovidov V. A. *Semiotika literaturno-hudozhestvennogo diskursa* [Semiotics of literary-artistic discourse]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2016. 172 p.

Статья поступила в редакцию 09.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Переосмысление мифа о братоубийстве в художественном тексте // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 78–85. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85

For citation

Karasik V. I. Rethinking of Fratricide Myth in Fiction Text. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 78–85. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85 (in Russian).